

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	
КЛЯКСА (Боб Мустафа).....	7
<i>Глава 1</i>	
ВОЗДУХ (Фокин).....	48
<i>Глава 2</i>	
ЗЕМЛЯ (Фокин).....	81
<i>Глава 3</i>	
ОГОНЬ (Фокин).....	116
<i>Глава 4</i>	
ВОДА (Фокин).....	160
<i>Глава 5</i>	
ТУМАН (Фокин).....	203
<i>Глава 6</i>	
СУМЕРКИ (Фокин).....	245
<i>Глава 7</i>	
МГЛА (Фокин).....	278

Цель этого путешествия мне неизвестна,
Но я — его результат.
Я там, где я был, и там, куда направляюсь.
Последний привал на пути, вдали от насмешек.

Томас Макграт

ПРОЛОГ

КЛЯКСА (Боб Мустафа)

С востока небо темнеет. Но тьма идет негустая, не-страшная. Солнышко поднимается над горизонтом, а Зона под его лучами мрачнеет. Скоро пятно чернильное полнеба закроет.

Боб как-то слушал, как мэр местный выступал перед народом. Зачитывал выдержки из научного доклада профессоров физико-технического института. Как там было: «Произошел прокол пространственный, откуда-то с анти-Альдебарана, и образовалась Зона — вывернутый наизнанку кусочек другой Вселенной, для нашего солнца абсолютно черное тело, глотает все его лучи».

В Зоне днем чернота жуткая, хорошо, что Боб в темноте видит, это ему дает большие преимущества перед другими фантерами, а вот свет электрического фонарика или спичку если зажечь, так он никуда не поглощается, светит. Ночью и луна нормально все освещает, и звезды из Зоны видны. Только солнечный свет Зона глотает. Почему? Никто не понимает. Да там до черта всего непонятого. Если подобрать какую-нибудь фигурину и в карман положить, то она как мина замедленного действия, затаится и тикает. И на какое время заведена, никто не знает. О, вспомнил Боб, у меня же в кармане «погодный пузырь». Совсем про него забыл. На черта его в Зону обратно тащить?

Вот он. Обычная мыльная пленка. Только не лопа­ется, как ни сминай, даже не шелестит. Лопнет, когда сам захочет. И погоду моментом изменит. Как? Черт его знает. Могут заморозки среди лета ударить, а может теплый воздух на наш горный городок обрушиться, и кокосовая пальма прорастет на высоте двух километ­ров над уровнем моря. В общем, у народа мозги по­нять этого не могут, да никто и не напрягается. Ну вот, «пузырь» лопнул у Боба в руке. Началось. Туча мох­натая через вершину переваливает, на бурого медведя похожа. Только рева звериного не слышно. Сейчас мол­ниями засверкает и рев громовой обрушит. Домой надо возвращаться поскорее, неохота мокнуть.

Смотрит Боб, а у него гости! Столпились на кры­лечке перед входом. Не пустила их в дом Мари. На­строение у нее, значит, неподходящее, чтобы таких гостей принимать. Славная полиция славного городка Алатаньга. Этой самой Зоной прославленного на весь мир. Во главе с начальником Квазимодо, кажется. Нет, Квазимодо — это из мюзикла, а у капитана фамилия Квазилиди. Еще и пограничник с ними в комплекте. Это же Баха, фамилия его Бах, как у композитора. В самом начале славных дел, два года назад, когда только эта Клякса возникла за городком, он продукты выклянчи­вал. Очень плохо тогда их командование погранзаставу продовольствием снабжало. За буханку хлеба и банку кильки в томате в Зону пропускали. А уж за бутылку водки ходи, как к себе домой.

Баха и говорит:

— Что же ты не здороваешься, Боб? Гости к тебе пришли.

А у Боба настроение не такое, чтобы радость изливать на этих полицейских, которые по его душу притопали.

— А чего здороваться, — говорит, — меня и так все знают. Что, шмотки уже собирать или так пройдемся, я же все равно вернусь?

Квазилиди делает страшную физиономию.

— Мистер Боб Мустафа, — заявляет он, — мне абсолютно все равно, вернетесь вы или нет. У меня распоряжение мэра. Положить в Зону фантик, которому там и место. В ночное время Зону можете покидать на несколько часов для свидания с семьей. Капитан Бах проследит за соблюдением режима. Заявления и жалобы можете подавать мне.

— Какая заботливая у нас полиция, — ухмыляется Боб, — а господин капитан просто лучшая в мире няня. Памперс мне не поменяете?

Квазилиди не рассердился. Посмотрел устало и наручники вытаскивает. Позвякал цепочкой многозначительно.

— Ладно, ладно, сам пойду, — отвечает Боб. Потом удивленно спрашивает: — Мы что же, все пять километров пешком потопаем?

Квазилиди губами шевелит, неслышно матом обкладывает, но на словах сама любезность.

— Что вы, — говорит, — мистер Боб Мустафа, вы для нас очень важная персона, для вас специально вип-транспорт подготовлен.

— На колесах мы, — доброжелательно подтвердил Баха, — «уазик» за домом стоит. До рудника быстро доползем. С женой попрощаться не хочешь?

— А зачем? — отвечает Боб. — Вернусь же скоро. Мари, я ненадолго, картошку пожарь и цыпленка в гриле.

Мари пронзительным голосом из глубины дома отвечает: «Щас, ты мне только картошку почисти».

— Ну вот, — с досадой говорит Боб, — недолго нам гулять, мне еще картошку чистить.

— Он что, серьезно? — с удивлением спрашивает Квазилиди.

— А от него всего можно ожидать, — отвечает Баха.

— Ну идем, что ли, а то, кажется, дождь собирается.

Туча как раз доползла до городка. Первые капли упали, Боб бейсболку свою любимую, «Баффало сейбрз», на голову натянул и первым к машине двинулся. Ему-то чего бояться? С тех пор как ящерка его изумрудная померла, он полным фаталистом стал. Он же теперь сам, как ящерка, события вызывает. Знать бы еще какие. Он, между прочим, единственный, кто из Зоны живое существо вынес. В коробке из-под каминных спичек она жила. Как хвост свой откинет, так какое-нибудь событие случится. Первый раз вдруг ему в голову стукнуло. Пошел в магазин и купил 588 воздушных шариков, больше не было. Штук пять даже надул, думал, может, что произойдет? Ничего не случилось. До сих пор штук сто еще валяется, детишки уже и брать перестали.

А в другой раз... Только хвост она откинула, ящерка, и откуда ни возмись, словно по волшебству, банда террористов возле рудника материализовалась. Долго их минами забрасывали, пока не выкурили. А народ тогда на улицы высыпал и наблюдал за войнушкой, и никакими силами нельзя было людей по домам разогнать. Интересно им, видите ли. И чего этим бандитам надо было? Рудник-то давно выработан. Урана там нет больше. Лет пятьдесят как закрыли эту лавочку вместе с той зоной и эками, которые этот уран добывали. От тех времен только ржавый железный лозунг остался над

въездом в городок: «Славься, шахтерский труд!» И то все эти буквы стальные, метровой высоты, сильно пореженные, совсем некрасивыми стали.

Вот какие события ящерка вызывала. Скорее всего, этот фантик универсальный был в отличие от погодных мыльных «пузырей» и «металлического воздуха», который с геологией связан. Испарится этот воздух, атмосферу кислородом обогатит на секундоочку и землетрясение вызовет, или открытие серебряных месторождений вдруг случится. А еще «жареный вексель» есть. Блестящая бумажка, которая, когда ей захочется, в момент вспыхивает, чернеет. И у тебя либо потери, либо приобретения финансовые. И неизвестно заранее, сколько найдешь, сколько потеряешь. А по Зоне эти золотые и серебряные бумажки стаями ветер мотает, и хватают их все кому не лень. Сколько ожогов народ получил, пока эти «векселя» в карманах таскал? А от «огненного цветка» никто ожогов не получал, у того огонь холодный. И пожаров он не устраивает, от него люди с ума сходят или гениальные прозрения с ними случаются. А с «тяжелой водой» до сих пор непонятно, что она делает. Но живой фантик все-таки Боб один вынес. Правда, когда она померла, ящерка изумрудная, он, кажется, сам в живой фантик превратился. События-то он вызывает, но управлять ими не может. Поэтому, что и когда случится по его вине, он и не знает. Но в Зону эти барбосы все равно его не запихают, Боб в этом уверен. Что-нибудь обязательно произойдет. Проверено, не в первый раз они это приказание мэра выполняют.

— Залезай, Боб. — Баха предупредительно распахнул дверь «уазика».

Стягивает фантер с башки бейсболку, и волосы в допадом из-под нее сыплются. Так, думает Боб, приеха-

ли, щас что-то будет. Потому как когда ящерка хвост откидывала, у него перед каждым событием все волосы вылезали. Потом, правда, быстро отрастали. Но неделю ходит, лысиной сверкает.

Заверещали два сотовых телефона на разные мотивы. Баха молча выслушал.

— Мне пора, у нас усиление, вы уж здесь сами как-нибудь, — сказал и бегом убрался.

Квазилиди отвечал односложно:

— Нет, да, да, да, да. — Выключил телефон, хмуро посмотрел и проговорил разочарованно: — Все. Пока свободен. Некогда с тобой...

Мрачным взглядом он посмотрел на своих подчиненных.

— Мэр звонил, — деловым тоном сообщил капитан, — нужны все. Весь состав полиции. Да и транспорт пригодится. К нам, видите ли, — не скрывал он свое недовольство, — прибывает последний абсолютный монарх Африки, король Свазиленда Мсвати III. Необходимо обеспечить достойную встречу. Он приехал полюбоваться на Зону, из которой вывезли фантик — «металлический воздух», который ему подарили, благодаря чему у него в Свазиленде вдруг обнаружили алюминиевые бокситы.

— И король тут же сказочно разбогател, — вставил Боб словечко.

Капитан не удостоил ответом. Полицейские погрузились в «уазик» и тронулись. Один из подчиненных крикнул напоследок:

— Пока, лысый, до следующего раза.

Как же, думает Боб, дождешься ты следующего раза. До следующего раза сколько фантиков из Зоны вытащат, столько событий случится. Черт его знает, где мы все окажемся. Есть хочу.

Заходит он в дом. Мари в причёске, намакияженная, с ножиком в руке, очень по-доброму смотрит, будто гадость какую сейчас скажет. Чмокнул ее в щечку Боб, улыбнулась красавица.

— Что, ящерка моя изумрудная, — говорит, — есть сегодня будем? У меня светский девичник у мэрши через полчаса, а ты с полицейскими развлекаешься.

— Да не шуми ты, видишь, уже картофелину в руке держу, воду наливай в кастрюлю. Мэр дуркует, ненормальный этот Борька Гринберг. Идея у него навязчивая меня в Зону переселить. Как будто от этого что-нибудь изменится.

Картошку Боб чистит, а сам смотрит, как ловко Мари кусочки курицы в керамическую тарелку укладывает. Ведь нехитрое это дело, а красиво получается. У меня так не получится, думает он, да и сама она красавица и не дура, за что и люблю, наверное.

— Слушай, а что ты у мэрши забыла?

— Ты знаешь, она хвастаться будет. Ей один американец, Легат, очень редкий фантик подарил, «стразы зла» обзывается.

— А действительно редкий. Я вообще-то эти «стразы» не беру. Не хочу связываться. Красивые стекляшки, конечно, но когда мутнеют, паутиной трещинок покрываются, обязательно кому-нибудь зло приносят.

Мари ресницами захлопала.

— Зачем же тогда американец Еве эту пакость подарил?

— Да нет, хозяину они зла не делают, даже охраняют от всего нехорошего, а вот враги или друзья могут натерпеться. Не знаю, не люблю я их, вот и не беру. А мэр в курсе? Он же, как фантик увидит, сразу распорядится его в Зону оттащить.